

Люди литературы
и искусства Дагестана

Дорогой исканий

Рыженский Джумшуд, как его называл старый солдат, бьртировавший в семье Ашуровых, сидел на угловатом камне среди двора и сосредоточенно мастерил что-то из фанерной коробки. Вот он прикренил в ней длинную, как журавлиная шея, планку, натянул несколько проводочных жилков, придирчиво осмотрел свою работу и, наклонившись над инструментом, тронул струны. Тупые однотонные звуки на мгновение повисли в воздухе и оборвались.

Нет, не то. У солдата звучит лучше. У него кларнет. О, как хорошо играет солдат! Его кларнет то издает чеканные звуки марша, то переходит на вихревую музыку национального танца. Джумшуду страшно хочется играть так же, как этот солдат.

Но нет, не быть Джумшуду музыкантом. Никто в его семье не играл ни на таре, ни на кеманче. Да и где ему взять настоящий инструмент!

Он ниже наклонился над инструментом, нел, заглушая тупой звук нехитрых струн и ему иногда казалось, что они звучат именно так, как он поет — приглушенно, мягко, без фальши. И в мелодиях этих непрерывно слышались теплые слова старого кларнетиста, которые тот сказал ему однажды, положив свою руку на плечо мальчика.

— А рыженский Джумшуд все же будет музыкантом.

... Шли трудные годы становления Советского государства. Джумшуд уже давно забросил свой первый инструмент. Те-

перь он имел почти настоящий чунгур, который любовно смастерил сам, с чувством играл народные мелодии, сопровождал выступления художественной самодеятельности, делал первые попытки импровизировать.

Как-то после одного из концертов самодеятельности драматург и режиссер татского театра Ю. Семенов спросил Ашурова:

— Скажите, вы могли бы сочинить музыку к пьесе?

У Джумшуда вспыхнули глаза.

— Шутите?

— Нет, не шучу. Серьезно говорю. Вот собираемся ставить пьесу «Махсум», нужна музыка.

Семенов, конечно, шутил. Он знал, что Ашуров не владеет нотной грамотой, а на слух сочинить музыку, да еще неопытному юноше — почти невозможное дело. Но отступать было нельзя. Джумшуд быстро схватился за мысль и, почти не думая, ответил:

— Согласен. Только расскажите, в каком месте, какое нужно звучание.

Через несколько дней, вернувшись из школы, Джумшуд страницу за страницей перечитывал пьесу, сочинял музыку и вместе с кеманчистом Юно Плизировым и бубнистом Исаем Давидовым проигрывал ее. Тара уверенно звучала в руках Джумшуда. На ней можно было взять любые аккорды, как на клавишном инструменте. Но трудности оказались неимоверными. То сам композитор, то его товарищи забывали то, что репетировали вчера, и все начиналось снова.

— Ну, как дела? — спросил однажды Ашурова Семенов.

— Идут, — коротко ответил тот. — Трудновато, но идут.

— Может, попробуем вместе с артистами?

Ашуров согласился.

На репетиции все шло гладко. И режиссеру и артистам нравилась музыка, в которой Ашуров умело использовал народный фольклор и внес много своего. Но вот вышла на сцену Махсум, чтобы спеть свою песню, и вдруг музыка смолкла.

Семенов холодно посмотрел в сторону музыкантов.

— Что случилось?

Композитор и его товарищи молчали. Оказалось, все они забыли музыку, сочиненную для песни героини.

— У меня с артистами все в порядке, — улыбаясь, произнес Семенов, — а у тебя, Джумшуд, не ладится с оркестром. И знаешь почему? Нотную грамоту надо изучать, без этого дело не пойдет.

Ашуров и сам понимал, что без знания нот, без записи сочиненного далеко не погнешь. Вскоре он стал старательным учеником Тамары Никитичны Эльдаровой — ныне преподавателя Дербентской музыкальной школы. Музыку к постановке «Махсум» он дописывал, уже владея нотной грамотой. Это была первая серьезная работа молодого композитора, и она удалась ему. Музыка оказалась близкой и понятной зрителю.

Дарование молодого композитора было замечено и его направили в Московскую государственную консерваторию. К сожалению, болезнь прервала учебу. Но два года занятий под руководством профессора Литинского, разнообразные музыкальные впечатления обогатили Ашурова. Вернувшись в Дербент, он организовал Южнодагестанский ансамбль песни, музыки и пляски, одновременно стал композитором азербайджанского и татского театров, создал несколько своих произведений.

Большое влияние на творчество Джумшуда Ашурова оказал известный азербайджанский композитор Уззир Гаджибеков.

Встреча произошла случайно. Во время проезда участников азербайджанской делегации литературы и искусства в Москву, ансамбль под руководством Ашурова дал

для них на дербентском вокзале небольшой концерт.

— Где вы учились? — пожимая руку молодому композитору, спросил Гаджибеков.

— Я больше самоучка, — смущенно ответил Ашуров. — Учился в консерватории, окончить не удалось.

Гаджибеков подумал, словно взвешивая свои мысли, и, глядя на поэта Расула Рза, стоявшего рядом, произнес:

— А данные у него хорошие. Приезжайте в Баку. Будете работать, поможем учиться, — добавил он, обращаясь к Ашурову...

И случилось так, что дагестанский ансамбль объединили с азербайджанским, Ашуров выехал в столицу братской республики и стал заведующим музыкальным отделом азербайджанского Дома народного творчества. Частые командировки, встречи с народными певцами, музыкантами помогали ему в изучении народного творчества, создании новых музыкальных произведений. Каждую свою работу он обязательно носил на консультацию Гаджибекову.

— А, сын Дагестана, — тепло встречал его композитор, поднимаясь из-за рояля, за которым он вечно сидел. — Здравствуй! Рассказывай, что нового.

Высокий и стройный, с большими умными глазами, глядевшими через роговые очки, он казался с виду недоступным, строгим. Но Ашуров знал, что Гаджибеков любит молодых композиторов и помогает их творческому росту.

— Вот я марш написал, не знаю как получится.

— Марш? Ну, садись за рояль, послушаю, — уступал он место Ашурову.

И Джумшуд играл. Гаджибеков внимательно слушал музыку и вдруг останавливал Ашурова,

— Здесь что-то не то. Марш написан в азербайджанском ладе, а в нем слышится влияние другой музыки. Найдите эту музыку!

А иногда консультации проходили так.

— Ну, сын Дагестана, — говорил композитор, — вот тебе партитура оперы «Кёр Оглы». Определи, в каком ладе написаны ария Кёр Оглы, сцена балета и хор девушек.

И когда Ашуров решил эти задачи, Гаджибеков сказал:

— Вот видишь, дагестанец, у тебя получается. Это потому, что ты познал народный мугам. Композитором может быть только тот, кто хорошо знает музыку народа.

Эти слова были лучшей похвалой Ашурову.

... После учебы на краткосрочных курсах при центральном Доме народного творчества в Москве Ашуров в 1940 году снова вернулся в Дербент, где одновременно с основной работой в театрах начал настойчиво работать над созданием новых сочинений.

За последние годы Ашуров написал музыку к пьесе лезгинского драматурга З. Эфендиева «Утро в Сентере», вместе с азербайджанским писателем М. Али-заде создал музыкальную комедию «Чья свадьба?», сочинил музыку к пьесе Т. Хурогского и К. Меджидова «Ашуг Саид». Эту свою работу он посвятил сорокалетию Великого Октября.

Ныне Ашуров преподает в Дербентском педагогическом училище и детской музыкальной школе.

Оправдались слова старого солдата. Джумшуд Ашуров стал не только хорошим музыкантом. Дорога исканий, которой он шел помогла ему стать автором хороших музыкальных сочинений.

И. ИЛЬЧЕВ.